

Андрей Кондратьев

РЕФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА

В сокращённом виде статья была опубликована в Независимой газете Ex Libris, за 11 июня 2009 г.

Шеллинг Ф.В.Й. Лекции о методе университетского образования / Пер. с нем., вступ. ст., примеч. Ивана Фокина. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. – LXXXVIII + 352 с.

Когда христианские миссионеры приехали в Индию, рассказывает Шеллинг, они стали проповедовать местным жителям своего Бога, ставшего человеком. Искренне веруя, что сообщают нечто неслыханное, они думали удивить этим индусов, поразить их воображение уникальным событием. Но в ответ была тишина. Индусов не удивило, что Бог воплотился в истории – их удивило лишь то, что у христиан он воплотился лишь единожды, тогда как индийские Боги воплощаются постоянно. «Нельзя отрицать, – иронично комментирует Шеллинг, – что у них было больше понимания христианской религии, нежели у христианских миссионеров – индийской» (с. 83).

Западный университет, выросший изнутри христианского богословия, был бы понят индусами ещё меньше. Исторически так сложилось, что наука на Западе

раздробилась и утратила внутреннее единство. Вместо живого и целостного мировоззрения она превратилась в формально-педагогическую систему, призванную дипломировать невежество, культивировать механическую память, возвращать стерильную пошлость методом обычного прилежания. Да, «университетам принадлежит та честь, что они главным образом сдерживали поток врывающейся в науку неосновательности, который ещё более увеличился благодаря новейшей педагогике; но, с другой стороны, как раз пресыщение их скучной, обширной и никаким духом не оживлённой основательности и открывало этому потоку основной доступ к науке» (с. 29).

Чтобы понять глубину трагедии, вспомним о смысле понятия «педагогика». В Древней Греции «педагогом» именовали раба, берущего за руку юного аристократа и ведущего его в святилище знаний. Он доводил его до стен Академии, а затем передавал «с рук на руки» истинному учителю: роль педагога на этом заканчивалась. Сегодня, напротив, педагогическая система не только самочинно вмешивается в образование, но даже отождествляет себя с этим образованием, претендуя на монополию в области Знания.

«Лекции о методе университетского образования», прочитанные Шеллингом в Йене в 1802 году, предлагают взглянуть на Университет иначе. С точки зрения не раба, не наемника, но сына науки – с позиции Изначального Знания (Urwissen), заключающего в себе Всеобщее и Абсолютное.

Изначальное Знание предшествует времени. «Всякое знание, которое <...> не относится к Празднику, не имеет реальности и значения. <...>. Всякая мысль, которая не продумана в духе Единства и Всеобщности (Ein- und Alleinheit), сама по себе пуста и негодна; то, что не в состоянии гармонично вступить в это движущееся Целое, есть мёртвый осадок, который раньше или позже будет вытолкнут органическими законами; конечно, и в царстве Науки достаточно бесплодных пчёл, которые, поскольку им отказано производить, размножаются посредством неорганических отложений своей собственной бездуховности» (с. 8).

В советское время Университет был кузницей партийных кадров. Фундаментальное образование было фундаментальным, от Университета веяло некоей кастовой элитарностью. Затем, в годы перестройки, всё подверглось тотальной инфляции. Она сопровождалась избыточной эмиссией «университетов», продажей в подземных переходах ксерокопированных дипломов, сменой вывески «техникум» на гордое «Университет».

Университетов стало до неприличия много. В них преподавали вчерашние рабфаковцы, бывшие комсомольские активисты и вообще все, кто по какой-то причине не поддавался стадному импульсу и не «рванул» в коммерцию. В ряде случаев это были действительно достойные люди, не принявшие рыночного

уклада и укрывшиеся от торгашеской жизни в стенах образовательных заведений.

Но коммерция нагрнула и туда. Фундаментальное образование пользовалось спросом. Чиновники «временного правительства» угрюмо коллекционировали дипломы и аттестаты: находиться в Госдуме и не иметь докторской степени казалось совсем неприличным.

Дипломированный «конфуцианский» чиновник – это не самое худшее. Это знак того, что университет есть часть государства, а высшее образование по-прежнему ценится. Инерциальная память о государстве Платона, управляемого коллегией философов.

Страшнее другое – понятие университета рушится изнутри. В стенах «альма-матер» появляется «факультет» журналистики, «факультет» менеджмента, и даже явление «пиар»: склизкий фантом коммерции расшатывает древние стены. Если бы Шеллинг увидел всё это, он бы говорил уже не о «бесплодных пчёлах», а о бактериях, вирусах и «удивительно плодовитых тараканах».

Спор факультетов: вся власть религиоведам!

Истинное Знание может быть только одно. Это – Изначальное Знание, *Urwissen*. Выйти на этот уровень можно методом медитации, или, как выражается Шеллинг, путём «интеллектуального созерцания» («бессознательного раздумья»). Тут Шеллинг использует совершенно непере译имое немецкое слово «*Brüten*». Почти никто из современных немцев этим словом не пользуется, и даже великий переводчик Иван Фокин, подготовивший данное издание «Лекций...», оставляет его в оригинале (с. 65). Это, наверное, правильно.

Из этого Изначального Знания все науки проистекают и в него же они возвращается. Им располагали древнейшие народы Востока, оно было воспринято эзотерическими учениями христиан, полностью отброшено в эпоху «нового Просвещения (*Aufklärung*), которое в отношении христианства можно назвать скорее Затемнением (*Ausklärung*)» (с. 84), а затем восстановлено в германской идеалистической философии – в системах «христианских неоплатоников» вроде Гегеля и самого Шеллинга.

Как верно заметил Иван Фокин, смысл немецкого идеализма – прежде всего религиозный. И Гегель, и Фихте, и Кант и, тем более, Шеллинг – это, прежде всего, лютеране. Мистика Бёме и Реформация Лютера – это два ключа к немецкому идеализму, существовавшие наряду с третьим ключом (неоплатоническая философия Плотина и Ямвлиха) как теологическое обоснование философии. Именно поэтому Шеллинг и говорит, что высшая точка зрения – это признание Божественного Провидения или точка зрения религиозная (с. 91), а

теология – это «подлинный центр объективного становления философии» (с. 72).

При этом никто не обращает внимания, что под теологией Шеллинг подразумевает отнюдь не схоластическое богословие, но нечто иное как науку о религии, или религиоведение. В эпоху, когда читал свои лекции Шеллинг, слово «религиоведение» ещё не вошло в широкое употребление, и потому он призывает к созданию «подлинно исторической Науки о религии, или *Теологии*» (с. 80), которая и должна стать вершиной всего научного здания. Именно ей, молодой в ту эпоху религиоведческой дисциплине, Шеллинг предлагает даровать право первородства в устройении университета, сделав главным из факультетов именно факультет религиоведения.

Вся замышленная им «реформация» предполагает учреждение пяти факультетов, главным из которых должен стать факультет Теологии, или Науки о религии. Вот как обосновывает это сам Шеллинг: «Первой наукой, объективно представляющей пункт абсолютной индифферентности, будет непосредственная наука об Абсолютной и Божественной сущности, т.е., *теология*. Из двух других та, которая берёт на себя реальную сторону философии и внешне её представляет, будет наукой о природе, *естествознанием*; поскольку же она концентрируется не только на природе организма вообще, но может быть по отношению к организму также и позитивной (что в дальнейшем будет рассмотрено ближе), то она будет наукой об организме, т.е., *медициной*. Та, которая объективирует в себе идеальную сторону философии, будет вообще наукой *истории*; поскольку же самым главным делом последней является образование правового устройства, она будет наукой о праве, или *юриспруденцией*» (с. 69-70).

Это поистине грандиозный проект. Такого университета не существовало до Шеллинга, как не возник он и после него. Вряд ли кому-нибудь не покажется странным, что именно факультет философии, главным оракулом которой и считал себя Шеллинг, в списке задуманных им факультетских образований мы не находим. Причина тому проста. Шеллинг говорит, что «такого факультета нет и быть не может, и вот совершенно простое доказательство: то, что является всем, именно поэтому не может быть ничем в особенности, а также потому, что философия – это свободное объединение (*Verein*)» (с. 70). Шеллинг планировал воссоздавать эти гильдии, именуя их по старинке «*Collegium Artium*», а самих адептов философского гнозиса – «артизанами», то есть, людьми искусства. Никаких докторов наук в этих вольных философских ферейнах не предполагалось: высший носитель знания должен был лишь соответствовать миру идей. Он именовался магистром (*Magistros*) – быть может, от слова «маг». Он-то и должен был стать главным религиоведом – в модели, предложенной Шеллингом.

Это, конечно, была утопия. После прочтения Шеллингом лекций и Гейдельберге, и в Тюбингене, и, тем более, в Йене факультеты философии никто закрывать не стал. «Чтобы достичь абсолютной формы, дух должен испытать себя во всех формах – это всеобщий закон всякого свободного образования» (с. 52). По этому же закону Шеллинговская реформа попала в историю как одна из попыток Реформации, одна из формальных оболочек, своевременно не замеченных коварным и «хитрым духом».

Однако идея всецелого религиозоведения, исходящего из идеи Бога и грядущего в силу этого как стать главнейшим среди факультетов – это идея поистине гениальна. После провала марксистской революции, звавшей искоренить всё священное ради «новой пролетарской культуры», именно знание о Священном должно стать спасительным для университета. Именно религиозоведение, как глубинное знание всех религий, их мистерий и практик, их спасительного и оккультного – именно религиозоведение должно стать последним оплотом университета, первым из факультетов которого должен стать факультет Науки о религии. Университету профанного, ветхого и позитивистского должен прийти на смену Университет Священного, ибо «в наивысшей Науке всё едино и связано, природа и Бог, наука и искусство, религия и поэзия» (с. 66), а сама «История есть прояснившееся таинство (*laut gewordenes Mysterium*) Божественного Царства» (с. 75).

Эзотерический реванш

Эти мистерально-гностические интонации совсем не случайны. Шеллинг, как верно заметил коллега Фокин, был одним из крупнейших философов-мистиков, эзотерика его текстов до сих пор не исследована, хотя об «оккультных истоках романтизма» существует немало добротных книг.

Та древнейшая мудрость (*prisca philosophia*), которой, по мнению Шеллинга, владели в древности, была достоянием «пра-народа» (*Urvolk*), то есть, предков германской расы, вышедших, по его представлениям, откуда-то с Востока – то ли из Индии, то ли из Древнего Ирана. Этому небольшому по численности пра-народу присуща была огромная сила мировоззрения, сводящая воедино религию с философией – в единое древнейшее таинство. Призывая своих адептов скорейшими методами возродить этот «древний национальный характер» (с. 48), с нескрываемой насмешкой презрения Шеллинг рассказывает нам о тех историках, для которых древнейшая форма жизни представляется диким варварством – по образцу аборигенов Мадагаскара или каких-нибудь Тробрианских островов. Напротив, декларирует Шеллинг, «всякое состояние варварства произошло из погибшей культуры. Будущим усилиям исторической геологии предоставлено показать, что и эти народы, ныне живущие в состоянии

дикости, лишь оторваны от связи со всем миром из-за революций, частью рассеяны и, утратив достигнутую когда-то ступень культуры, впали в теперешнее состояние» (с. 73).

Это первичное, оккультно-мистериальное состояние, «мифологическая эпоха» или «солнечное детство человечества», было эпохой полнейшей религиозности: чистое знание Бога, чем-то невинное и по-детски незамутнённое, было основой тогдашнего умозрения, пробуждавшего пра-народ к его новым героическим свершениям.

Эта история длилась тысячелетия. Но, что важно, истинные истоки её внеположны Европе – их следует искать далеко на Древнем Востоке. «Начиная от Протагора и далее до Платона, философия сознаёт себя экзотическим растением на греческой почве; это чувство выразилось впоследствии во всеобщем стремлении, которое привело тех, кто посвящён в мудрость данных философов или в мистерии древних учений, к родине Идей, к Востоку» (с. 128). Этот ход мысли был общим для многих христианских теософов, верных Богу в лице Христа, но при этом предельно терпимых к самым разным теологическим Откровениям – в духе тех же самых индусов, с повествования о которых мы начинали своё изложение.

Разумеется, у терпимости мистика есть существенные отличия от терпимости разъярённого правозащитника, для которого момент уникальности совершенно враждебен и непонятен. Шеллинг и многие другие христианские теософы вовсе не призывал к тотальной унификации, к зачёсыванию всех религий под едино индифферентную гребёнку, к искажению теологий во славу прав «среднего человека», не верящего ни в чёрта, ни в Бога, но только в одного себя. Напротив, главная идея его реформации университета есть создание той трибуны, на которой носители разных духовных взглядов, представители всех религий и мировоззрений, занялись бы живым философским общением – ради поиска Абсолютной Религии, близкой вере древнейших предков, Изначальному Знанию пра-народа.

В окончательном религиозном синтезе, провидцем которого считал себя Шеллинг, проявилась бы та эзотерика, содержанием которой были живы древнейшие культы истории, и которая составляла основу как платоновской философии, так и внутренне-христианского богопознания. Визионерски Шеллинг предсказывал, что по мере продвижения к метаисторическому финалу, «<...> эзотерическое должно выступить на первый план и, освобождённое от своего покрова, светить для себя. Вечно живой дух всякого образования и творения облачит его в новые и более прочные формы, ибо у него достаточно противоположного Идеальному материала, Запад и Восток ещё больше сближены в одном и том же образовании, и везде, где соприкасаются противоположности, зажигается новая жизнь. <...>. Поэзия требует религии как высшей и даже

единственной возможности поэтического применения, философия <...> добилась истинной точки зрения для религии, упразднив эмпиризм и подобный ему натурализм не только партикулярным, но и всеобщим образом, и подготовила в себе возрождение эзотерического христианства, как и возвешение абсолютного Евангелия» (с. 89).

Вечное Евангелие и всеединство

«Абсолютное Евангелие» в языке Шеллинга – это вовсе не данный в истории текст, но скорее – новый Эон, то, что знали под именем «вечного Евангелия» величайшие мистики – Иоахим Флорский, Бернард Клервосский и Ориген. Это Вечное Евангелие, грядущее с Востока, как Солнце и Откровение – оно должно захлестнуть своим светом весь мир, и тогда он преобразится, и мистическое сияние Славы станет явным для всех уголков Земли. И тогда не будет уже ни докторов и ни кандидатов, но будет последняя Аттестация и самый напряжённый экзамен. И вместо билетов там будут вопросы о Жизни и Смерти, и вместо комиссии – ангелы Божии, и вместо дипломов – сияния огненной реки.

Но для одних, стремившихся к Вечному Воссоединению (In-Eins-Bildung) экзамен тот станет воротами Мудрости, а для других, нерадивых студентов и «хлебных учёных» (с. 31), многознающих, но не мудрых – для них тот экзамен станет великой печалью, но высшее Тожество всё равно наступит, и как агнцы убелённые станут одесную своего Спасителя все философы и любители древних знаний, а ошуюю станут те, кто, «не остроумно, но скептически, не благочестиво, но и без фривольности, подобно несчастным у Данте, которые не бунтовали против Бога, но и не были Ему верны, изгнанные небом и не принятые адом, ибо проклятые и недостойные ада» (с. 86) теплохладно взирали на предмет своего изучения. На визионерской картине Реформации Университета, обрисованной Шеллингом эскизно, но очень верно, часы пробьют ровно полночь.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Велесова Слобода, 2009 г.